

Ярослав Слинин

О ЦАРСТВЕ ЭЙДОСОВ

Аннотация. В статье рассматривается онтология Платона, которая содержит три части: чистое бытие, полное небытие и нечто, находящееся между ними. Чистое бытие — это царство эйдосов: родов и видов. Полное небытие само по себе не существует и дает о себе знать только в соединении с бытием, образуя то, что лежит между ним и чистым бытием, т. е. мир индивидов. Основное различие между эйдосами и индивидами состоит в том, что первые вечны, а вторые преходящи. Онтология Платона сопоставляется с учением Аристотеля о том, что всякий индивид состоит из материи и формы. Первоматерией Аристотель считает некий сплошной бесформенный субстрат, который сам по себе не существует, а проявляет себя только будучи оформлен. Формами же для него служат эйдосы, в частности — низшие виды. При возникновении индивида некоторая часть материи соединяется с частью того или иного низшего вида, приобретая, таким образом, соответствующую ей форму. Когда индивид погибает, то его материальная часть перестает существовать, растворяясь в первоматерии, а его форма, будучи эйдосом, сохраняет свое существование, вечно пребывая в царстве эйдосов, как об этом учат Фома Аквинский и Дунс Скот.

Ключевые слова: эйдос, индивид, материя, форма, Платон, Аристотель, Фома Аквинский, Дунс Скот.

Yaroslav Slinin

THE REALM OF *EIDĒ*

Abstract. The article deals with the ontology of Plato, which contains three parts: pure being, complete non-being, and something in-between. Pure being is the kingdom of *eidē*: genera and species. Complete non-existence in itself does not exist and makes itself felt only in conjunction with being, forming what lies between it and pure being, i.e. the world of individuals. The main difference between *eidē* and individuals is that the former are eternal, and the latter are transient. The ontology of Plato is compared with the doctrine of Aristotle that every individual consists of material substance and form. Aristotle considers the primordial substance to be a solid formless substrate, which in itself does not exist, but manifests itself only when it gets a form. The forms for it are *eidē*, in particular lower species. When an individual arises, a certain part of material substance combines with a part of one or another lower species, thus acquiring a form corresponding to it. When an individual dies, his material part ceases to exist, dissolving in primary matter, and its form, being an *eidos*, retains its existence forever in the realm of *eidē*, as Thomas Aquinas and Duns Scotus teach about this.

Keywords: *eidos*, individual, matter, form, Plato, Aristotle, Thomas Aquinas, Duns Scotus.

В диалоге «Государство» Платон пишет:

«— Хорошо. А если с чем-нибудь дело обстоит так, что оно то существует, то не существует, разве оно не находится посередине между чистым бытием и тем, что вовсе не существует?» (*Plato. Resp. V, 477a*)¹

¹ Здесь и далее «Государство» цитируется в переводе А. Н. Егунова.

В том же диалоге он продолжает:

«Как мы уже говорили раньше, если обнаружится нечто существующее и вместе с тем несуществующее, место ему будет посередине между чистым бытием и полным небытием...» (*Plato. Resp. V, 478d*).

И заключает:

«— Нам остается, видимо, найти нечто такое, что причастно им обоим — бытию и небытию, но что нельзя назвать ни тем ни другим в чистом виде» (*Plato. Resp. V, 478e*).

Что же это такое? Платон так отвечает на этот вопрос в диалоге «Тимей»:

«Представляется мне, что для начала должно разграничить вот какие две вещи: что́ есть вечное, не имеющее возникновения бытие, и что́ есть вечно возникающее, но никогда не сущее» (*Plato. Tim. 27d–28a*)²

Это «возникающее, что никогда не сущее», Платон часто называет «становлением».

Приведенные цитаты дают нам представление о трехчастной онтологии Платона:

- 1) чистое бытие;
- 2) полное небытие;
- 3) нечто, находящееся посередине между ними.

Чистое бытие — это царство эйдосов, идей. Согласно Платону, только эйдосам может быть присуще «вечное, не имеющее возникновения бытие». Время не властно над эйдосами: оно течет, а они этого не замечают, оставаясь всегда неизменными и самождественными.

В структурном отношении царство эйдосов представляет собой своеобразную «рощу» деревьев Порфирия. «Древесами Порфирия» схоласты называли родо-видовые иерархии, одну из которых описал в качестве примера неоплатоник Порфирий в своем «Введении к „Категориям“ Аристотеля».

Во главе каждой иерархии стоит тот или иной высший род, который делится на виды. Эти последние становятся промежуточными родами и, в свою очередь, делятся на виды, которые тоже становятся промежуточными родами, делящимися на еще более мелкие виды. Наконец, дело доходит до низ-

² Цитируется в переводе С. С. Аверинцева.

ших видов, которые уже не способны стать промежуточными родами и претерпеть дальнейшее деление на виды. Низшие виды делятся только «по числу».

Во «Введении» Порфирия в качестве высшего рода взята субстанция, низшим же видом является человек. Человек делится сразу на отдельных людей, на Сократа, Кориска, Каллия и других. Это и есть «деление по числу».

Что касается полного небытия, то оно не существует. На то оно и небытие. Как сказано в поэме великого Парменида, «есть — бытие, а ничто — не есть» (Фрагменты 1989: 288).

Небытие обнаруживает себя только в соединении с бытием, образуя то «нечто», которое «находится посередине между чистым бытием и тем, что вовсе не существует». Это «нечто» Платон, как мы видели выше, характеризует следующим образом: оно «то существует, то не существует», оно — «нечто существующее и вместе с тем не существующее», оно «причастно бытию и небытия, но его нельзя назвать ни тем, ни другим в чистом виде», оно, наконец, «есть вечно возникающее, но никогда не сущее».

Обладающее подобными свойствами «нечто» — это мир, в котором мы живем, мир индивидуальных вещей. Главное отличие индивидов от эйдосов состоит в том, что индивиды не вечны. Время отнюдь не индифферентно к ним. Всякий индивид сначала возникает, затем в течение некоторого срока существует и в конце концов исчезает. Он возникает из небытия, в течение какого-то времени пребывает на свете и снова погружается в небытие. Так в каждом индивиде бытие соединяется с небытием. Ясно, что бытие индивидов не является чистым бытием. Оно, с точки зрения Платона, даже не имеет права называться бытием: оно — всего лишь становление.

Индивиды возникают в результате соприкосновения низших видов с полным небытием. Это соприкосновение и называется делением их «по числу». Низшие виды, будучи эйдосами и обладая чистым бытием, настолько близко соседствуют с полным небытием, что оно время от времени как бы «выхватывает» из них частички бытия и, соединяясь с ними, порождает эти непрочные «смеси» бытия и небытия, именуемые индивидами. Понятно, что такое деление низших видов по числу осуществляется не «статически», одноразово, а «динамически», постепенно. Можно сказать, что процесс деления всевозможных низших видов по числу и представляет собой историю нашего бренного мира.

И Платон, и Аристотель отождествляют полное небытие с неким бесформенным сплошным субстратом, называемым Платоном Восприемницей, или Кормилицей, а Аристотелем — первоматерией, или просто материей. Этот субстрат сам по себе, в чистом виде, не существует. Он существует только в связанном, оформленном, состоянии. Формами тут являются низшие виды, точнее — те их «частички», которые извлекаются из них при делении низ-

ших видов по числу. Частичка материи принимает форму частички того низшего вида, который в данный момент делится по числу, в результате чего возникает индивид. Всякий индивид состоит из свойственной ему материи и свойственной ему формы. Исключительно в результате соединения соответствующих друг другу материи и формы может образоваться индивид. Таков «принцип индивидуации» Аристотеля.

Как уже говорилось, ни один индивид не вечен. Его существование имеет свое начало и свой конец. Его начало — это соединение его материи и его формы, его конец — это распад его материи и его формы.

Что после гибели индивида происходит с той частичкой материи и той частичкой эйдоса, которые его составляют? В общем случае, материя его теряет все свои особенности и погружается в лоно первоматерии. Аналогично и его форма теряет свои особенности и растворяется в том низшем виде, из которого была исторгнута при делении его по числу. Если так, то всякий индивид при своей ликвидации уходит в небытие целиком и полностью, без остатка.

Но тут в игру вступает учение Аристотеля о том, что тело — это материя, а душа — форма всякого одушевленного существа вообще и человека в частности. В трактате Аристотеля «О душе» мы можем прочесть:

«Итак, сказано, что такое душа вообще. А именно: она есть сущность как форма, а это — суть бытия такого-то тела...» (*Arist. De anima*: II, 1, 412b 10–12)³.

И в «Метафизике» Аристотель упоминает о том, что

«...душа живых существ (составляющая сущность одушевленного) есть соответствующая обозначению сущность — форма и суть бытия такого-то тела...» (*Arist. Meth.*: VII, 10, 1035b 14–16)⁴.

Отсюда следует, что тело составляет материальную часть человека, душа же — его эйдетическую часть. Судьба тела Кориска после того, как он умрет, ясна. Лишившись души, оно сначала станет трупом, который потом будет постепенно разлагаться и в конце концов, приобщившись к первоматерии, полностью погрузиться в небытие. А что произойдет с душой Кориска после того, как он скончается? Ответ на этот вопрос не так прост.

Казалось бы, поскольку душа Кориска является его формой, постольку, как это полагается в общем случае всякой индивидуальной форме, она должна при расставании с телом потерять все свои особенности и исчезнуть, растворившись в человеке как таковом. Однако никому никогда не хотелось

3 Здесь и далее трактат «О душе» цитируется в переводе П. С. Попова.

4 Цит. в переводе А. В. Кубицкого.

и было бы жутко исчезнуть после смерти полностью и безвозвратно. Поэтому у всех племен и народов, как первобытных, так и цивилизованных, издревле бытовали и ныне бытуют поверья о посмертном существовании человеческих душ.

А как относились к этому вопросу философы?

Среди них были и такие, которые полагали невозможным посмертное существование души: «Демокрит и Эпикур: душа смертна, она уничтожается вместе с телом» (Демокрит 1935: 55).

Платон считает, что существовать автономно, вне тела, и при этом вечно пребывать в царстве эйдосов могут лишь некоторые, соответствующим образом подготовленные, человеческие души. В диалоге «Федон» он рассуждает так:

«Допустим, что душа разлучается с телом чистою и не влачит за собою ничего телесного, ибо в течение всей жизни умышленно избегала любой связи с телом, остерегалась его и сосредоточивалась в самой себе, постоянно в этом упражняясь, иными словами, посвящала себя истинной философии и, по суди дела, готовилась умереть легко и спокойно. Или же это нельзя назвать подготовкой к смерти?

— Бесспорно, можно.

— Такая душа уходит в подобное ей самой безвидное место, божественное, бессмертное, разумное, и, достигши его, обретает блаженство, отныне избавленная от блужданий, безрассудства, страхов, диких вожделений и всех прочих человеческих зол, и — как говорят о посвященных в таинства — впредь навеки поселяется среди богов» (*Plato. Phaedo*: 80e–81a)⁵.

Что касается тех человеческих душ, которые не посвятили себя истинной философии, то, согласно Платону, они никак не могут избавиться от тела. Даже смерть не способна избавить их от него: ведь Платон исповедует учение о переселении душ. Едва покинув тело только что умершего человека, его душа становится душой какого-нибудь новорожденного. Покинув тело умершего, не посвятившая себя истинной философии душа вместо того, чтобы попасть в царство эйдосов, немедленно обретает новое тело с тем, чтобы начать новую жизнь. И такое происходит с душами неподготовленных людей сколь угодно долго. При этом Платон подчеркивает, что душа умершего может вселиться как в тело новорожденного человека, так и в тело новорожденного животного. Если покойник на протяжении своей жизни вел себя недолжным образом, то его душа может вселиться, например, в тело осла,

---

⁵ Цитируется в переводе С. П. Маркиша.

или волка, или ястреба, или коршуна, или даже в тело пчелы, осы или муравья.

А вот как судит о бессмертии души Аристотель:

«Итак, душа неотделима от тела, ясно также, что неотделима какая-либо часть ее, если душа по природе имеет части, ибо некоторые части души суть энтелехия телесных частей» (*Arist. De anima*: II, 1, 413a 4–6).

Таковыми частями души являются способности роста, стремления, ощущения и пространственного движения:

«Относительно же ума и способности к умозрению еще нет очевидности, но кажется, что они иной род души, и что только эти способности могут существовать отдельно, как вечное — отдельно от преходящего» (*Arist. De anima*: II, 1, 413b 25–27).

Видим, что Аристотель высказывается с большой осторожностью. Он допускает возможность отдельного от тела вечного существования не всей души, а лишь ее ума и способности к умозрению. Причем никакой очевидности в таком допущении он не видит. Он заявляет, что ему так только кажется.

Обратимся теперь сразу к Фоме Аквинскому, который известен как приверженец философии Аристотеля. В частности, Фома разделяет учение Аристотеля о том, что душа является формой всякого одушевленного существа, а тело представляет собой его материю. Фома строго придерживается и аристотелевского принципа индивидуации. Но Фома Аквинский — это виднейший христианский богослов, и он, разумеется, исповедует все основные положения христианского ортодоксального вероучения. Известно, что одним из такого рода положений является тезис о бессмертии человеческой души. Ортодоксальное христианское богословие ко времени Фомы Аквинского пришло к категорическому выводу о том, что всякая человеческая душа, а не одна лишь ее способность к умозрению, наделена вечным посмертным существованием. Принимая указанный тезис, Фома отступает, конечно, от вышеприведенного острожного суждения Аристотеля на этот счет. Однако он твердо стоит на том, что душа всякого отдельного человека — это его форма. Фома называет вечно существующие после смерти людей их души отделенными формами.

Но как и где отделенные формы существуют? Так как все они суть эйдосы, им больше нигде нет места, кроме как в царстве эйдосов. Таким образом, согласно Фоме, царство эйдосов оказывается густонаселенным: в нем уже пребывают отделенные формы всех умерших людей, и оно ожидает пополнения за счет душ людей, имеющих умереть в будущем.

Такое положение вещей, безусловно, очень удручило бы Платона. Ведь он замыслил свое царство эйдосов как просторный и благолепный храм чистого бытия, в котором обитали бы лишь эйдосы высших рангов, такие, например, как благо, существование, покой, движение, тождество, инаковость, единство, множество, равенство, подобие, красота, справедливость и прочие идеи того же рода. Уже идея человека, идеи воды и огня вызывали у него сомнение: стоит впускать их в царство эйдосов или нет?

В диалоге «Парменид» есть одно замечательное место. Сравнительно молодой Сократ беседует с уже пожилым Парменидом:

«...Парменид сказал:

— Как восхищает, Сократ, твой пыл в рассуждениях! Но скажи мне: сам-то ты придерживаешься сделанного тобой различения, то есть признаешь, что какие-то идеи сами по себе, с одной стороны, и то, что им причастно, с другой, существуют раздельно? Представляется ли тебе, например, подобие само по себе чем-то отдельным от того подобия, которое присуще нам, и касается ли это также единого, многого и всего, что ты теперь слышал от Зенона?

— Да, — ответил Сократ.

— И таких идей, — продолжал Парменид, — как идеи справедливого самого по себе, прекрасного, доброго и всего подобного?

— Да, — ответил он.

— Что же, идея человека тоже существует отдельно от нас и всех нам подобных идея человека сама по себе, а также идея огня, воды?»

Сократ на это ответил:

«— Относительно таких вещей, Парменид, я часто бываю в недоумении, следует ли о них высказаться так же, как о перечисленных выше, или иначе.

— А относительно таких вещей, Сократ, которые могли бы показаться даже смешными, как, например, волос, грязь, сор и всякая другая не заслуживающая внимания дрянь, ты тоже недоумеваешь, следует или нет для каждого из них признать отдельно существующую идею, отличную от того, к чему прикасаются наши руки?

— Вовсе нет, — ответил Сократ, — я полагаю, что такие вещи только таковы, какими мы их видим. Предположить для них существование какой-то идеи было бы слишком странно. Правда, меня иногда беспокоила мысль, уж нет ли чего-либо в этом роде для всех вещей, но всякий раз, как я к этому подхожу, я поспешно

обращаюсь в бегство, опасаясь потонуть в бездонной пучине пустословия. И вот, дойдя до этого места, я снова обращаюсь к вещам, о которых мы сейчас сказали, что они имеют идеи, и занимаюсь тщательным их рассмотрением.

— Ты еще молод, Сократ, — сказал Парменид, — и философия еще не завладела тобой всецело, как, по моему мнению, завладеет со временем, когда ни одна из таких вещей не будет казаться тебе ничтожной; теперь же ты, по молодости, еще слишком считаешься с мнением людей» (*Plato. Parm.: 130 b–e*)⁶.

Платон понимает, что в царство эйдосов, для того чтобы быть последовательным, придется все-таки впустить не только идеи человека, огня и воды, но и идеи волоса, грязи и сора. И это его не радует, потому что царство эйдосов из торжественного храма превращается в какой-то базар, где возникает опасность потонуть в бездонной бездне пустословия.

Тем не менее, как мы видели выше, Платон решается позволить находиться в царстве эйдосов даже эйдосам единичным — душам отдельных умерших людей. Но это позволение сравнительно безопасно с точки зрения увеличения состава царства эйдосов: ведь в него, согласно Платону, вхожи души только тех людей, которые посвятили себя истинной философии, а таковых, конечно, не много. Быть может, их только двое: Сократ, да и сам Платон.

Другое дело — Фома. Он впустил в царство эйдосов все без исключения отделенные формы — души всех умерших людей, независимо от того, кто чем занимался при жизни и кто какого был нрава. И далеко не все отделенные формы в царстве эйдосов обретают блаженство. Его обретают только праведники. Грешников же там подвергают жестоким, но заслуженным наказаниям.

В общем, перед нами не просторный и благолепный храм, а нечто иное. Платон был бы совершенно изумлен, увидев, что несметные сонмы душ не посвятивших себя истинной философии людей, вместо того, чтобы продолжать крутиться в колесе метемпсихоза, ворвались в царство эйдосов, заполнив его до отказа и наполнив недостойной суетой.

Но это еще не всё. Фома Аквинский учит, что, помимо отделенных форм, в царстве эйдосов присутствуют еще и субсистентные формы. Что это за формы? А это ангелы и демоны, небесное и преисподнее воинства, силы добра и силы зла. Ангелы и демоны потому суть субсистентные чистые формы, что они, в отличие от людских отделенных форм, никогда не вступали в соединение с материей, т. е. с небытием. Поэтому, согласно Фоме, они имеют статус не индивидов, а видов. Ведь вид порождает индивиды только тогда,

⁶ Цитируется в переводе Н. Н. Томасова.

когда делится по числу, т. е. вступает в контакт с материей (небытием), как того требует принцип индивидуации Аристотеля. В своем трактате «Сумма теологии» Фома пишет: «В самом деле, те вещи, которые сходны по виду, но различны по числу, согласны по форме, но различны по материи. И коль скоро ангелы, как было доказано выше, не состоят из материи и формы, невозможно, чтобы два ангела принадлежали к одному и тому же виду подобно тому, как невозможно, чтобы существовало несколько самих по себе „белизн“ или несколько „человечностей“, поскольку „белизн“ не может быть несколько иначе, как только в том случае, когда они находятся в нескольких субстанциях» (Фома Аквинский 2005: 83).

При этом, согласно Фоме, субсистентных форм насчитывается еще больше, чем отделенных:

«И потому как следующим опасной дорогой людям назначается охрана, точно так же и каждому человеку, пока он странствует [в этом мире], назначается свой ангел-хранитель. Когда же он достигнет конца своего странствия, то у него уже не будет более ангела-хранителя, но в царстве [Небесном] рядом с ним будет ангел, с которым он будет разделять господство, а в аду — демон, который будет его карать» (Фома Аквинский 2005: 480).

Вдобавок над простыми ангелами-хранителями возвышается громадная иерархия ангелов более высоких рангов, как об этом говорится в трактате Дионисия Ареопагита «О небесной иерархии». Подобная иерархия имеется, судя по всему, и у inferнальных сил. Она даже представлена в художественной форме в знаменитой поэме Джона Мильтона «Потерянный рай».

Но и этого мало. Младший современник Фомы Аквинского Дунс Скот обратил внимание на то, что нет никаких оснований противопоставлять одни формы другим и считать, что только души людей могут существовать вечно в качестве отделенных форм. По мнению Дунса Скота, и формы всех остальных индивидов суть отделенные формы и тоже неуничтожимы. Поэтому формы всех вещей, как одушевленных, так и неодушевленных, после уничтожения этих вещей остаются невредимыми и продолжают свое существование в царстве эйдосов. Сказанное касается абсолютно всех индивидов, даже тех, которые не имеют названий. Эта гора, этот ручей, этот дом, это ложе, этот ящик — все они имеют свою форму, хотя у них и нет названий. Рано или поздно и эта гора, и этот ручей, и этот дом, и этот ящик прекратят существование, но их формы вечно пребудут в царстве эйдосов. Дунс Скот даже придумал общее наименование для индивидуальных форм: «этость» (*haecceitas*). Царство эйдосов оказывалось теперь заполненным неисчислимым множеством мельчайших «этостей».

Не знаю, предвидел ли Сократ то, что может произойти с царством эйдосов после действий Фомы Аквинского и Дунса Скота, когда обратился «в бегство, опасаясь потонуть в бездонной пучине пустословия». Но если говорить чуть более серьезно, то «действия» Фомы Аквинского и Дунса Скота следует одобрить. Ведь они помогли логике как науке о формах, *формальной логике*, исчерпывающим образом очертить свою предметную область. К традиционным платоновско-аристотелевским формам — родам и видам — они добавили еще и отделенные формы — «этости». Усилиями Фомы и Дунса Скота формальная часть индивидов была спасена от уничтожения, от растворения в соответствующих низших видах. Индивидуальные формы получили независимое существование, встав тем самым в один ряд с общими формами — родами и видами. Принцип индивидуации Аристотеля остался в силе, но его стало возможным оставить в стороне и, «забыв» о материи, изучать свойства и взаимосвязи одних лишь чистых форм. Изучение материальных вещей было предоставлено физике и другим наукам о природе. Логика же утвердилась как чисто эйдетическая наука о формах и только о них.

Литература

- Arist. De anima* — Аристотель. О душе / пер. П. С. Попова // Сочинения в четырех томах. Т. 1. М., 1976. С. 369–450.
- Arist. Meth.* — Аристотель. Метафизика / пер. А. В. Кубицкого // Сочинения в четырех томах. Т. 1. М., 1976. С. 63–368.
- Plato. Parm.* — Платон. Парменид / пер. Н. Н. Томасова // Сочинения в четырех томах. Т. 2. М., 1993. С. 346–412.
- Plato. Phaedo* — Платон. Федон / пер. С. П. Маркиша // Сочинения в четырех томах. Т. 2. М., 1993. С. 7–80.
- Plato. Resp.* — Платон. Государство / пер. А. Н. Егунова // Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1. М., 1971. С. 89–453.
- Plato. Tim.* — Платон. Тимей / пер. С. С. Аверинцева // Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1. М., 1971. С. 455–542.
- Демокрит 1935 — Демокрит в его фрагментах и свидетельствах древности / под ред. Г. К. Баммеля. М., 1935.
- Фома Аквинский 2005 — Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. I. Вопросы 44–74 / пер. С. И. Еремеева, А. А. Юдина. Киев, 2005.
- Фрагменты 1989 — Фрагменты ранних греческих философов / изд. подг. А. В. Лебедев. Ч. 1. М., 1989.